

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (59)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., академик РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, телефон: (345-2) 688-756, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (59)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-59-4-12>

Адаев В.Н.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: whitebird4@yandex.ru

КОЛОНИЗАЦИОННОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ОКРАИН ТАРСКОГО ОКРУГА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Осуществлен исторический обзор государственного и вольно-народного освоения труднодоступных северных окраин Тарского округа в конце XVII — начале XX в. В рассмотрении темы использованы теоретические разработки А.В. Головнева, касающиеся концептов «колонизации» и «антропологии движения». Выделены три этапа в истории колониционного освоения северных территорий округа.

Ключевые слова: русские старожилы, переселенцы, народы Севера, магистральные и локальные культуры, история Западной Сибири.

Введение

Тарский округ/уезд — существовавшая несколько столетий административно-территориальная единица, ареал которой сегодня распределен в основном между Омской и Тюменской областями (рис. 1). В XVIII — начале XX в. границы региона несколько менялись, но в интересующей нас северной части они стабильно простирались до русла Демьянки. В разные периоды этот край попеременно именовался то уездом, то округом, поэтому в историческом экскурсе статьи соответственно будет использоваться первое или второе наименование. Вне привязки к конкретным временным отрезкам регион для удобства называется Тарским округом.

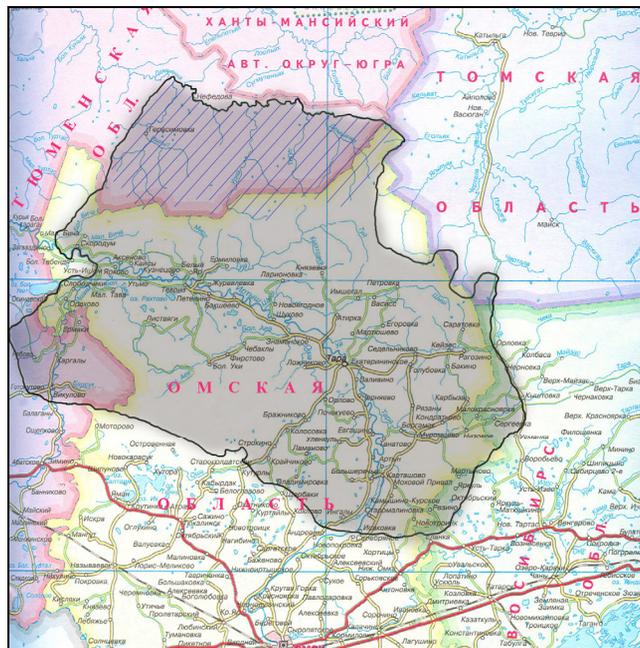

Рис. 1. Границы Тарского округа в 1893 г. при наложении на современную карту (рассматриваемая территория отмечена наклонными линиями).

Fig. 1. The borders of the Tarsky district in 1893, as imposed on a modern map (the area under study is marked by the inclined lines).

Административным центром округа стал один из первых русских опорных пунктов в Западной Сибири — г. Тара, основанный в 1594 г. В течение нескольких веков через Тару по руслу Иртыша проходили торные пути колонизации Сибири, по которым перемещались большие массы людей и товаров. С 1825 г. Сибирский тракт сместился южнее к Омску [Катионов, 2006, с. 18], но водный маршрут сохранял актуальность. При этом вплоть до конца XIX в. заселение и хозяйственное освоение территории продвигалось неспешными темпами. Главной причиной являлся недостаток удобных для земледелия участков. Сначала русское освоение ограничивалось в основном иртышской поймой и нижним течением иртышских притоков (Аев, Ишим, Тара, Уй и др.). Первые поселенцы оседали на расстоянии от местных татар, но с XVIII в. уже начали жить в более тесном соседстве с ними. В некоторые из этих селений впоследствии водворяли ссыльных [Кабакова, 2008, с. 52, 76]. В особенности медленно и непросто продвигалось освоение самых дальних окраин, примыкавших на севере к р. Демьянке, — так называемых урманных территорий. Процессы колонизации и установления государственного контроля¹ над этими ареалами Тарского округа оказались, кроме того, и наименее освещенными в научных публикациях (при этом остальная часть округа, в том числе участки, расположенные по правым притокам среднего Иртыша, напротив, изучена довольно хорошо [Бережнова, 2009; Вибе, 2005; Машарипова, 2013; и др.]). Одна из причин такого недостаточного внимания: северный ареал округа не вошел в состав современной Омской области, а округ современные исследователи рассматривают, как правило, в преамбульности с омским регионом.

В задачи статьи входит исторический обзор государственного и вольно-народного освоения (см.: [Резун, 2005, с. 9]) указанных урманных территорий, включая этнокультурный аспект, а также выявление хронологических особенностей этого процесса. Исследование построено на основе системного анализа и опирается на разнородные источники: картографические материалы, сведения из публикаций XVIII–XX вв., данные архивных документов и информацию, собранную в ходе полевых историко-этнографических работ. Теоретическая рамка исследования базируется прежде всего на разработках А.В. Головнева [2009], касающихся концептов «колонизации» и «антропологии движения». В данном ключе анализ пространственной экспансии колонистов не увязан с оценочными коннотациями, а сконцентрирован на изучении механизма освоения пространства и социальных взаимодействий, где важны не столько итоги освоения, сколько его стимулы. Важными градациями в отношении рассматриваемых сообществ являются понятия локальной и магистральной культуры. Сообщества, относящиеся к локальным культурам, ориентированы на освоение биоресурсов конкретного биотопа. Относящиеся к магистральным — выстраивают механизм освоения больших пространств, синтезируя локальные культуры в сложные сообщества и используя их ресурсы, как биологические, так и социальные. Они обычно выступают в отношении локальных групп как выгодные торгово-экономические посредники, культуртрегеры и политические организаторы [Там же, с. 4, 7]. Одной из форм освоения новых территорий со стороны представителей магистральных культур является установление системы государственного контроля над колонизируемыми землями и местным населением, их постепенная интеграция в свою сеть социально-экономических, политических, культурных и прочих связей. Именно в таком ракурсе здесь анализируется колониционный процесс отдельного региона.

Рассматриваемая территория в настоящий момент находится в юго-восточной части Уватского района Тюменской области. Ее общая площадь около 20 тыс. квадратных километров. Она включает левые притоки верхнего и среднего течения р. Демьянки (Тегус, Б. Казак, Урна, Тишкина, Кирилкина, Б. Таморга, Имгыт, Калемьяга, Б. Уим) и прилегающие к ним с юга водораздельные болота, которые являются составной частью крупного комплекса Васюганских болот. Данный ареал отличался богатством промысловых ресурсов, что не в последнюю очередь было связано с его труднодоступностью. Протянувшаяся с востока на запад более чем на тысячу километров малолюдная река Демьянка вплоть до второй половины XX в. со стороны устья была охвачена транспортным сообщением лишь на несколько сотен километров — дальнейшему продвижению мешали топкие берега, мели, захламленное русло и быстрое течение. Поэтому исторически освоение среднего и верхнего течения реки населением происходило через водораздельные болота. Представители разных этнических групп заходили сюда в XVIII–XIX вв. с нескольких направлений: с севера — ханты Б. Югана, с востока — васюганские ханты и эвенки,

¹ Под государственным контролем понимается реальное влияние на территорию и обитающее там население, обеспечение соблюдения законности и дисциплины (см., напр.: [Синицкая, 2013, с. 219–221]).

а с интересующего нас южного направления — сибирские татары Среднего Прииртышья. При этом местные таежные дебри и труднопроходимые топи стали на долгое время серьезным препятствием для организованной государством колонизации региона и даже в формировании достоверных знаний о местной географии и населении. Следствием трудностей в контроле демьянского бассейна стало его распределение по нескольким административным единицам. В частности, как это хорошо видно на карте 1798 г. (рис. 2): западная часть бассейна входила в Тобольский уезд, северо-восточная — в Сургутский и северо-западная — в Тарский. В досоветской истории нахождения придемьянской территории в составе Тарского округа можно выделить три фазы, в каждой из которых этот периферийный ареал воспринимался из административного центра совершенно по-особому и политика по отношению к нему существенно отличалась.

Рис. 2. Распределение бассейна Демьянки между тремя уездами на карте 1798 г.
Fig. 2. Allocation of the Demyanka-river basin between three counties on the map of 1798.

Дальние угодья ясашных татар (до конца XVIII в.)

С точки зрения нацеленности представителей магистральной культуры (в данном случае окружных тарских властей, выступающих от имени государства) на использование природных и социальных ресурсов новых земель важной составляющей процесса освоения является овладение достоверной информацией о территории и населяющих ее людях. Подобная информация, транслируемая вовне, приобретает и символическое значение: первым шагом в обозначении подконтрольности неосвоенных земель и принадлежности их кому-либо выступают географическая карта с соответственно очерченными границами или текстовое описание территории [Кивельсон, 2012, с. 43]. В отношении северной части Тарского округа такими документами являются, в частности, карты конца XVII — XVIII в., путевые записки Г.Ф. Миллера 1740 г. и описание Тобольского наместничества, составленное в 1789–1790 гг. В этих источниках зафиксированы наличная территория региона и проживающее там население, указаны местные границы и пути сообщения.

Записки Г.Ф. Миллера содержат наиболее раннее упоминание о северных урманных территориях. Путешественник сообщает о среднем течении Демьянки, что выше впадения р. Саргат (вероятно, современный Б. Уим)² местные ханты уже не живут. В тех местах «имеют привилегию на

² Идентификация р. Саргат как современного Б. Уима основывается на приведенном Г.Ф. Миллером последовательном списке демьянских притоков от устья к верховьям с некоторыми характеристиками рек: выше реки Кеум автор упоминает сначала крупный левый приток Бестухуяр — вероятно, Б. Куньяк, а далее Саргат, протяженность которого несколько раз короче. Кроме того, именно в районе Б. Уима в XIX в. локализовались юрты Саргатские демьянских хантов. Данная версия согласуется и с картой С.У. Ремезова [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 71].

охоту» курдакские татары Тарского уезда (жители современного Усть-Ишимского района Омской области), которые установили сообщение с демьянскими угодьями довольно специфичным образом. Осенью они на лодках сплавливались по Иртышу до Демьянки, далее поднимались как можно выше по течению и ждали зиму. По окончании промыслового сезона охотники возвращались к своим иртышским селениям на лыжах, выходя через болота на юг [Сибирь..., 1996, с. 272]. Этот же болотный маршрут курдакских татар представлен на одной из карт в «Хорографической книге» С.У. Ремезова [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 71]. Из карты следует, что южный путь к Иртышу лежал по некоему правому демьянскому притоку (предположительно, Б. Уим), пересекал верховья р. Туртас и выводил к устью р. Бича, впадающей в Иртыш.

Я не случайно столь подробно останавливаюсь на подобного рода обстоятельствах. Во-первых, важно соотнести картографические данные XVIII в. с современной географией, ввиду того что эти данные отличались схематизмом, обилием ошибок и неполнотой, а большинство использовавшихся тогда демьянских топонимов среднего и верхнего течения (см.: [Описание Тобольского наместничества, 1982, с. 54–56]) были забыты уже в XIX в. Красноречива, в частности, фраза Г.Ф. Миллера о местоположении истока Демьянки: лишь по слухам известно, что он «должен быть в Тарском уезде по соседству с истоками впадающей в Обь напротив Сургуты реки Юган» [Сибирь..., 1996, с. 272]. То есть, северная граница региона и рисунок демьянского русла представлялись на тот период тарским властям довольно схематично.

Во-вторых, приведенные данные свидетельствуют: северная граница Тарского округа определялась охватом промысловых угодий курдакских татар. Добавлю, что оставшаяся часть демьянского бассейна по аналогичному принципу была разделена между двумя другими административными единицами: с севера вдоль русла Демьянки к Тарскому уезду примыкал Сургутский уезд — до этой черты простиралась кочевья юганских хантов [Там же, с. 214], а на западе оба упомянутых уезда граничили с Тобольским, предел которого, как уже указывалось, совпадал с крайними восточными селениями демьянских хантов. Иными словами, административный раздел бассейна Демьянки соответствовал ареалам распространения трех этнических групп — курдакских татар (Тарский уезд), демьянских (Тобольский уезд) и юганских (Сургутский уезд) хантов. Каждая из указанных групп значительную часть времени проводила в удаленных угодьях, но периодически выходила в крупные селения на Иртыш и Оби, где находилась уездная администрация. Кстати, вопрос об отмеченных на картах С.У. Ремезова границах («межах») между этническими группами в районе демьянского бассейна не так давно поднимался С.С. Тихоновым [2013, с. 58–61].

Соответственно, в отношении рассматриваемого здесь хронологического отрезка можно говорить об административном контроле сезонно пребывавшего на северных окраинах Тарского округа татарского населения, но не самой территории Придемьянья — опорных населенных пунктов там не было, чиновники те места не посещали. Учетом курдакских татар занимались в первую очередь тарские сборщики ясака, однако происходило это в прииртышских селениях. Причем и там служилым людям иногда приходилось по несколько раз выявлять переезжавших на новое место жительства курдаков и вновь облагать налогом [Пузанов, 2019, с. 74; Томилов, 1981, с. 120–134].

Белое пятно на карте (1800–1880-е гг.)

Верхняя хронологическая граница данного этапа выделена несколько условно, так как снижение интереса к территории развивалось постепенно. Однако картографические материалы Тарского округа отражают кардинальное ухудшение качества географических сведений по северному ареалу, произошедшее на рубеже указанных веков. Если сопоставить карту С.У. Ремезова 1697–1711 гг. с картой 1825 г. (рис. 3), предстанет парадоксальное различие: на первой — у Демьянки на всем ее протяжении указаны притоки и населенные пункты, на второй река изображена почти прямой линией, что не соответствует даже рисунку пролегания русла. Из этого следует, что к XIX в. Демьянка интересовала картографов в основном в качестве естественной границы между уездами Тобольской губернии. Подобную же картину мы как будто видим и на карте губернии 1798 г. (рис. 2), однако на уездных планах того же года Демьянка хотя бы в низовьях изображалась с многочисленными притоками.

Не исключено, что на рубеже XVIII–XIX вв. произошел отмеченный А.А. Дуниным-Горкавичем конфликт, в ходе которого юганские ханты прогнали «из своего улуса» прииртышских татар в сторону Тарского округа [1911, с. 30]. В данном столкновении есть весомые основания видеть отголоски вытеснения курдакской группы за пределы демьянского бассейна [Адаев, Галеева, 2018, с. 63]. Во всяком случае, в XIX в. сведений о том, что курдакские татары со-

Колонизационное освоение северных окраин Тарского округа в досоветский период...

вершают свой круговой промысловый маршрут, в доступных источниках уже не встречается, а вот стабильное пребывание юганцев на верхней и средней Демьянке фиксируется неоднократно [Патканов, 1999, с. 136–137; Janko, 2000, р. 121]. Располагали ли тарские власти информацией о новой практике пользования северными урманными угодьями — вопрос, требующий уточнения, но отрицательных для своих ясачных плательщиков последствий они не изменили.

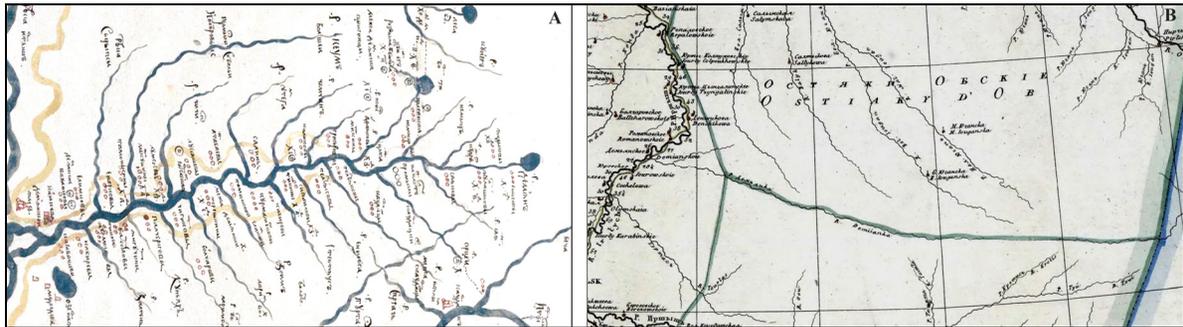

Рис. 3. Река Демьянка: А — на карте С.У. Ремезова 1697–1711 гг.; В — на карте 1825 г.
Fig. 3. Demyanka-river: A — on the map by S.U. Remezov, 1697–1711; B — on the map of 1825.

Более того, около 1880-х гг. на тех же северных урманных угодьях самовольно поселилась еще одна пришлая группа населения — несколько десятков кочевых эвенков, происходивших из района Подкаменной Тунгуски. Эвенки специализировались на охоте, добывая в большом количестве копытных и пушных животных [Васильев, 1929, с. 31; Шухов, 1927, с. 203]. Ясачный сбор они в Тарском округе не платили, так как оставались неучтенным населением. К этому можно добавить, что тарские власти не пользовались успешно опробованной для контроля бродячих инородцев в Восточной Сибири системой *сугланов* — учрежденных мест сбора кочевников, где ежегодно проводились ярмарка, прием ясака и оглашение распоряжений [Степанов, 1835, с. 161–162]. При этом охотившиеся в северной части округа эвенки и юганские ханты периодически выходили в населенные пункты Тарского Прииртышья для реализации промысловой добычи и приобретения необходимых товаров [Фатеев, 1996, с. 42]. Следовательно, имели место неофициальные отношения с местными торговцами и, вероятно, также с некоторыми чиновниками.

В итоге в XIX в. приписанные к Тарскому округу сибирские татары ограничивались промыслом у южных границ демьянского бассейна. В то же время числившиеся за округом обширные и богатые ресурсами северные территории беспрепятственно эксплуатировались инородцами, приписанными к другим административным единицам, или совершенно неучтенными группами. Все это, наряду с сокращением географических данных о Придемьянье, — явные маркеры ослабления контроля и снижения интереса окружных властей к северным урманным территориям. Корни создавшегося положения очевидно следует искать в разворачивавшемся со второй четверти XVIII в. новом векторе государственной политики в отношении коренных народов Сибири, когда на смену военно-политическим инструментам управления приходили более умеренные административно-бюрократические (см.: [Конев, 1999, с. 14]). Характерной чертой такой формы управления было то, что нередко какие-то несоответствия действующим нормам и правилам, сложные в практическом решении, по возможности замалчивались и игнорировались на нижних уровнях власти, что, в свою очередь, открывало широкое поле для злоупотреблений.

«Страна чудес и страхов» (1890-е — 1910-е гг.)

Основные события данного переломного периода определялись, с одной стороны, активной деятельностью государственных чиновников, с другой — развернувшейся вольной колонизацией северной части Тарского округа. Это были взаимоподдерживающие процессы, начатые наиболее деятельными лицами со стороны как государства, так и местного русского населения. Без их успешной связки последующее освоение северных окраин округа вряд ли бы имело столь серьезные масштабы.

Спусковым механизмом процесса стала небывало крупная волна переселенцев, хлынувшая на правобережье Тарского Прииртышья в 1894–1904 гг. вслед за постройкой железной дороги до Омска. Так как запас свободных земель быстро истощался, систему вольного заселения тарской тайги спустя несколько лет заменили выделением участков [Вибе, 2015, с. 469]. В

1896 г. Переселенческое управление Тобольской губернии предприняло срочное обследование свободных пространств в лесной полосе к северу от Иртыша, охватившее ареалы по нескольким крупным иртышским притокам — Туй, Шиш, Уй, Бича. Производителем работ выступил агроном А.Е. Богдановский, действительный член РГО. Он осуществил поставленные задачи за два года сложнейших экспедиций и пришел к весьма оптимистичному заключению, что обследованные ареалы гораздо более пригодны для крестьянской колонизации, чем предполагалось ранее. Свои выводы А.Е. Богдановский публично представил в Тобольском музее во время доклада, озаглавленного не только выразительно, но и весьма символично — «Страна чудес и страхов» [1896]. Доклад в некотором смысле озаменовал пересечение психологического барьера, стоявшего на пути колонизации северных урманных окраин.

Движение на север стало развиваться по нарастающей. Многочисленные колонисты, прибывшие на отведенные по Тую, Шишу, Ую и Биче участки, потеснили более ранних поселенцев, многие из которых принадлежали к сибирским старожилам и активно занимались промыслом в местных лесах. Вынужденные искать новые уголья охотники продвигались все дальше в сторону демьянского бассейна. Юридических препятствий для выхода на территории промысла народов Севера, в отличие от многих регионов Сибири, в данном случае не было, так как юганские ханты и эвенки не являлись законными хозяевами вотчин в пределах Тарского округа. Проблемой было само физическое проникновение в удаленные и труднодоступные места. Если раньше сложные переходы через водораздельные болота в демьянский бассейн были редки и приравнивались в среде старожилов «*чуть ли не к подвигу*» [Шухов, 1928, с. 49], то теперь на это отваживалось все большее число опытных промысловиков. Когда в 1899 г. А.Е. Богдановский продолжил рекогносцировочные исследования по Демьянке, он зафиксировал уже действующий летний и зимний путь в верхнее и среднее течение реки, проложенный русскими жителями Тевризской волости [ГБУТО «ГА в Тобольске». Ф. И-3, оп. 1, д. 394, л. 41 об.—42].

Поездка А.Е. Богдановского 1899-го года стала первым научным обследованием верхнего течения Демьянки. Обобщением результатов его работы, а также других производителей занимался заведующий партией по заготовлению переселенческих и запасных участков Тобольской губернии С.П. Каффка. В своих отчетных записках губернскому начальству он предрекал, что в начале XX в. переселенческое движение в урманы только усилится, а потому надо срочно расширять площади под участки за счет северных территорий, которые пока доступны только промышленникам-звероловам. Причем до заселения рек Шиш и Туй «*колонизация Демьяна <...> едва ли возможна, вследствие отсутствия там всяких путей сообщения и отдаленности*», но чиновник считал, что со временем переселенческие партии «*завоюют для успешной колонизации и эти пока унылые и малолюдные обширнейшие пространства*» [Там же, л. 10–11, 48 об., 53 об.].

Землеустроителями 1890-х гг. была проделана впечатляющая по масштабам и сложности работа. Для ее оценки можно вновь обратиться к картографическим материалам. На карте Тобольской губернии 1905 г., подготовленной Переселенческим управлением, не только отмечены нарезанные в правобережье Иртыша многочисленные участки, но и впервые близко к реальности изображено русло Демьянки, а также очертания ее основных левых притоков. Причем названия последних в основном соответствуют современным и почти не имеют преемственности с соответствующими гидронимами XVIII в. Прогнозы С.П. Каффки сбылись, тем не менее, лишь частично. Наплыв переселенцев в Тарский округ действительно усилился. В 1906–1914 гг. произошел самый массовый этап миграции, связанный со столыпинской аграрной реформой, когда округ наводнили десятки тысяч выходцев из западных и центральных губерний России [Вибе, 2015, с. 469–470; Сильванович, 2014, с. 140]. В то же время освоение глухих урманов по правым притокам Иртыша оказалось крайне непростым делом. Переселенцы сталкивались с необходимостью расчистки глухого леса, отсутствием дорог, суровыми природными условиями. Многие спустя несколько лет тяжелейшего труда бросали свои участки или просили о переводе в более благоприятную местность. На их место приходили следующие поселенцы, которым иногда удавалось закрепиться на уже разработанных землях [Юферев, 1908, с. 274–299]. В итоге за пределы вышеуказанных притоков Иртыша крестьянское освоение в Тарском округе не продвинулось. Однако произошла забавная метаморфоза: вместо предполагаемой смены экономического предназначения демьянских земель на сельскохозяйственное возросла их востребованность в качестве промысловых угодий. И что особенно важно: пользователем угодий вновь стало приписанное к Тарскому округу население.

Сезонный промысел на удаленных угодьях Демьянки показал высокую прибыльность, хотя он и требовал от охотника, помимо опыта и выносливости, еще и существенных расходов на закупку запасов продовольствия и боеприпасов. В 1910-х гг. на Демьянку уходило уже до сотни человек, к русским старожилам в эти походы присоединилась часть коми-зырянских охотников из числа поздних переселенцев. Через болота было проложено множество пеших дорог, начавшихся у разных населенных пунктов Тарского Прииртышья [Белоногов, 1928, с. 107–114; Шухов, 1928, с. 76–80]. Широко распространились такие формы организации промысла, как польщина и артель, росло число таежных торговцев, которые охватывали своими услугами всех промысловиков, включая хантов и эвенков. Кстати, сведений о серьезных конфликтах за пользование угодьями между охотниками Тарского Прииртышья и представителями народов Севера в доступных источниках нет. Последние ощутимо потеснены были лишь по южную сторону водораздельных болот, где их самые близкие к Иртышу угодья попали в пределы переселенческих участков [Белоногов, 1928, с. 106; Балкашин, 1911, с. 7]. В демьянском бассейне снижению уровня конкуренции за промысловые ресурсы, вероятно, способствовали взаимовыгодные торгово-обменные отношения, а также то, что передвигавшиеся на оленьих упряжках ханты с эвенками легко могли промышлять на территориях, недоступных пешим русским охотникам.

Среди таежных торговцев наибольшую известность в Тарском Прииртышье получил Николай Степанович Терлеев, который обустроил через леса и болота зимнюю конную дорогу в несколько сотен километров, начинавшуюся от с. М. Бича и выходящую к Демьянке возле устья р. Калемьяга (она частично повторяла старый зимний маршрут курдацких татар). На расстоянии дневного перехода по пути были построены избушки для отдыха путников, подготовлены запасы сена и продуктов. Обслуживанием дороги, транспортировкой товаров, скупкой и вывозом промысловой добычи занимались нанятые торговцем люди [ПМА, 2010, Усть-Ишимский р-н]. То есть, организация массового промысла и системы сообщения Тарского Прииртышья с Демьянкой была результатом сугубо частной инициативы. Выходя немного за хронологические рамки исследования, отмечу, что по инерции такая вольная форма промыслового освоения территории во многом сохранялась до конца 1920-х гг., когда из селений Тарского Прииртышья на охоту за водораздельные болота уходили сотни человек. Но уже с 1930-х гг. в организацию промысла начало активно вмешиваться государство, а далекие угодья на Демьянке неожиданно стали прибежищем для десятков людей, уклонявшихся от административного контроля. В этом отношении советский период истории освоения края приобретает ярко выраженную специфику.

Заключение

Выделенные три фазы в истории колонизационного освоения северных окраин Тарского округа демонстрируют три разные тактики, реализованные представителями магистральной культуры (органы местной и губернской власти, переселенческое население) в отношении рассматриваемой территории и проживавших там сообществ, относящихся к локальным культурам (сибирские татары, ханты, эвенки). На первом этапе (до конца XVIII в.) доступ окружных властей к природным ресурсам северных территорий обеспечивался административным контролем и явочным обложением сезонных промысловиков из числа татарских жителей Тарского Прииртышья. На втором этапе (1800–1880-е гг.), когда приписанные к округу сибирские татары перестали выходить в демьянский бассейн, а их охотничьи угодья начали использовать юганские ханты и эвенки, окружная власть открыто демонстрировала полную потерю интереса к северным территориям, в то время как на неофициальном уровне государственные служащие и другие жители Тарского Прииртышья поддерживали ограниченные социально-экономические контакты с указанными группами народов Севера. Третий этап (1890-е — 1910-е гг.) ознаменовался наплывом в округ большого числа крестьян-переселенцев, что послужило импульсом, с одной стороны,— для губернского Переселенческого управления провести первое экономико-географическое обследование демьянского бассейна на перспективу его сельскохозяйственно-го использования, с другой — для части русских старожилов расширить свои промысловые угодья до р. Демьянки. В итоге экономический интерес и частная инициатива жителей Тарского Прииртышья обеспечили организацию массового товарного промысла на демьянской территории и системы путей сообщения с ней.

Интересно, что использование концепта «антропологии движения», показавшего свою эффективность для рассмотренного периода истории, на следующем этапе, 1920-х гг., не позволило бы с такой четкой градацией представить местные этнические культуры. Причина в том, что существенная часть русских поселенцев, нашедших тогда на Демьянке убежище от госу-

дарственного контроля, уже принадлежала скорее к сообществу локальной культуры. Так же стоит отметить некоторые особенные черты территории тарских северных окраин: здесь, во-первых, на потенциальных переселенческих участках серьезно конкурировали две модели природопользования — сельскохозяйственная и промысловая, а во-вторых, ценные таежные угодья долгое время были легитимно открыты для переселенческого населения, что в условиях Сибири встречалось довольно редко.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаев В.Н., Галеева Н.Ф.* Тюркско-угорские контакты, которых «не было»: Связи татар Среднего Прииртышья с хантами Туртаса и Демьянки в XVIII–XX вв. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 4. С. 60–70. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2018-4-60-70>
- Балкашин М.И.* Казенные лесные дачи Тарского уезда Тобольской губернии: Материалы к изучению колониционных районов Азиатской России. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1911. 31 с.
- Белоногов Т.П.* О Тарском Васюганьи и переходах через него (по сведениям, полученным от промышленников) // Материалы по изучению Тарского Васюганья. Новосибирск, 1928. С. 99–114.
- Бережнова М.Л.* Первые шаги на новой родине: Новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // Известия АлтГУ. Сер. История. 2009. № 4. С. 32–36.
- Богдановский А.Е.* Страна чудес и страхов: Очерк урманов Тарского и Муромцевского лесничеств. Тобольск: Тип. Тоб. Епарх. Братства, 1896. 24 с.
- Васильев В.В.* Река Демьянка: Экономико-этнографический очерк. Тобольск: Тобольская Гостипография, 1929. 36 с.
- Вибе П.П.* Крестьянская колонизация Тарского округа Тобольской губернии в конце XIX — начале XX века // П.П. Вибе. Антология Омского краеведения. Омск: ОГИК музей, 2015. Т. 2. С. 469–474.
- Головнев А.В.* Колонизация в антропологии движения // УИВ. 2009. № 2. С. 4–14.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск: Губернская типография, 1911. 191 с.
- Кабакова Н.В.* Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII — первой половине XIX вв. Омск: Изд-во СибАДИ, 2008. 216 с.
- Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
- Конев А.Ю.* Предисловие // Словно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX в.). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 9–42.
- Машарипова А.Х.* Коми переселенцы в Тарском уезде Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2. С. 105–110.
- Описание Тобольского наместничества.* Новосибирск: Наука, 1982. 320 с.
- Патканов С.К.* По Демьянке: Бытовой и экономической очерк // С.К. Патканов. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Очерк колонизации Сибири. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 123–183.
- Пузанов В.Д.* Тарский уезд и его служивые люди в первой трети XVIII в. // Вестник Нижневарт. ун-та. 2019. № 3. С. 72–81.
- Резун Д.Я.* Сибирь, конец XVI — начало XX века: Фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 124 с.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера.* Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 310 с.
- Сильванович И.И.* Развитие сельских населенных пунктов на территории Тарского района в 1918–1945 гг. // Вагановские чтения: Матер. науч.-практ. конф. Омск: Амфора, 2014. С. 140–147.
- Синицкая М.В.* Сущность и соотношение понятий «государственное управление», «государственный контроль», «демократический гражданский контроль» в сфере национальной безопасности // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 219–225.
- Степанов А.П.* Енисейская губерния. СПб.: Тип. Конрада Вингевера, 1835. Ч. 1. 276 с.
- Тихонов С.С.* Карты С.У. Ремезова и «межи» аборигенов на реке Демьянке // Вестник Омск. ун-та. 2013. № 1. С. 58–61.
- Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 276 с.
- Фатеев В.* В краю таежном: Очерки истории села Усть-Ишим и Усть-Ишимского района. Омск: ИПК «Омич», 1996. 208 с.
- Хорографическая* чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 692 с.
- Шухов И.Н.* Последние следы угасшего оленеводства в Тарском округе // Тр. Сиб. вет. института. Омск, 1927. Вып. VIII. С. 201–207.

Колонизационное освоение северных окраин Тарского округа в досоветский период...

- Шухов И.Н. Охотничий промысел в северной части Тарского округа // Материалы к познанию охотничьего дела Западной Сибири. Омск, 1928. Вып. II. С. 33–98.
Юферев В. Переселенцы в Тарских урманах // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 272–300.
Janko J. Utazas Osztjakfoldre 1898. Budapest: Neprajzi Museum, 2000. 400 s.

ИСТОЧНИКИ

- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в Тобольске»). Ф. И-3. Оп. 1. Д. 394.
Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири (30-е гг. XVIII — 90-е гг. XIX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2006. 34 с.

Полевые материалы автора

ПМА, 2010 г. Усть-Ишимский район Омской области.

Adaev V.N.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Cherვისhevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

Colonization of the northern outskirts of the Tarsky district in the pre-Soviet period: historical and ethnocultural aspects

The study deals with the history of the colonization of the northern part of the Tarsky *okrug* (district) in the late 17th — early 20th centuries (Western Siberia, Russia). This taiga territory, which included the upper reaches of the Demyanka River, featured an abundance of hunting resources, but it was located significantly far from the administrative center of the district and was surrounded by barely-passable swamps. The objectives of the research include determination of the chronological features of the colonization with an emphasis on the ethnic and cultural aspects of the process. The paper is based on diverse sources: cartographic materials, 18th–20th century publications, archival records, and the field historical and ethnographic data. The study is based upon the theoretical framework by A.V. Golovnev concerning the concepts of “colonization” and “anthropology of movement”. It has been ascertained that the administrative borders in the area of the Demyanka River were originally determined along the boundaries of the areas of activity of the ethnic groups assigned to different districts of the Tobolsk *gubernia*. Three stages were revealed in the history of colonization of the northern part of the Tarsky *okrug*, within each of which the area was perceived from the administrative center in a special way, and the policy towards it differed significantly. In the 17th–18th centuries, the state control was limited to the collection of the *yasak* from the Tatar hunters who seasonally visited the Demyanka territory. Later on, up until the 1880s, only unregistered groups of nomadic Khanty and Evenks were staying in the territory, with whom some officials and other district dwellers had maintained unofficial socio-economic contacts. In the 1890s–1910s, after the arrival of a large number of peasant settlers in the *okrug*, the authorities conducted the first economic and geographical survey of the territory for the prospect of its agricultural exploitation, while the local Russian old-settlers and a small part of the migrants established intensive tradable hunting in the Demyanka territory, developing a network of routes through the swamps.

Keywords: Siberian old settlers, migrants, indigenous people of the North, mainstream and local cultures, history of Western Siberia.

REFERENCES

- Adaev, V.N., Galeeva, N.F. (2018). The occurrence of “non-existent” Turko-Ugric contacts: Communications between the Tatars of the Middle Irtysh region and the Khanty of the Turtas and Demyanka rivers in the 18th–20th centuries. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, (4), 60–70. (Rus.). <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2018-4-60-70>
- Balkashin, M.I. (1911). *State forest allotments of the Tarsk district of the Tobolsk guberniya: Materials for the study of the colonization regions of Asian Russia*. St. Petersburg: Tipographia Iu.N. Erikh. (Rus.).
- Belonogov, T.P. (1928). About the Tara Vasyugan-river area and routes through it (according to the information received from hunters). In: *Materialy po izucheniiu Tarskogo Vasiugan'ia*, Novosibirsk, 99–114. (Rus.).
- Berezhnova, M.L. (2009). First steps in a new Motherland: New models of nature use of Belorussian settlers in taiga area. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Istorii*, (4), 32–36. (Rus.).
- Bogdanovsky, A.E. (1896). *The country of miracles and fears. Essay on the taiga wilderness of Tarsky and Muromtsevsky forestry*. Tobolsk: Tipografiia Tobol'skogo Eparkhial'nogo Bratstva. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich, A.A. (1911). *The Tobolsk North. Vol. 3. Ethnographic essay on local indigenous dwellers*. Moscow: Gubernskaia tipografiia. (Rus.).
- Fateev, V. (1996). *In the taiga land: Essays on the history of Ust-Ishim village and Ust-Ishim district*. Omsk: IPK Omich. (Rus.).

- Golovnev, A.V. (2009). Colonization in anthropology of movement. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (2), 4–14. (Rus.).
- Iuferev, V. (1907). Immigrants in Tara deep forests. *Voprosy kolonizatsii*, (2), 272–300. (Rus.).
- Janko, J. (2000). *Utazas Osztyakfoldre 1898*. Budapest: Neprajzi Museum.
- Kabakova, N.V. (2008). *The formation of the population of the southern counties of the Tobolsk gubernia in the late 18th — the first half of the 19th centuries*. Omsk: Izdatel'stvo SibADI. (Rus.).
- Kivelson, V. (2012). *Cartographies of tsardom: The land and its meanings in seventeenth-century Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).
- Konev, A.Yu. (1999). Preface. In: *Soslovno-pravovoe polozhenie i administrativnoe ustroistvo korennykh narodov Severo-Zapadnoi Sibiri (konets XVI — nachalo XX veka): Sbornik pravovykh aktov i dokumentov*. Tyumen: Izdatel'stvo IPOS SO RAN, 9–42. (Rus.).
- Masharipova, A.Kh. (2013). Komi migrants in the Tarsky district of the Tobolsk gubernia in the late 19th — early 20th centuries. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 105–110. (Rus.).
- Müller, G.F. (1996). *Siberia of the 18th century in the travel notes by G.F. Müller*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf.
- Patkanov, S.K. (1999). On Demyanka-river: Social and economic essay. In: S.K. Patkanov. *Works: In 2 vol. Vol. 2: Essay on the colonization of Siberia*. Tyumen, 123–183. (Rus.).
- Puzanov, V.D. (2019). Tarsky district and its employees in the first third of the 18th century. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 72–81. (Rus.).
- Remezov, S.U. (2011). *Chorographic drawing book of Siberia by Semyon Ulyanovich Remezov*. Tobolsk: Obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond "Vozrozhdenie Tobol'ska".
- Rezun, D.Ya. (2005). *Siberia, late 16th — early 20th century: Frontier in the context of ethnic social and ethnic cultural processes*. Novosibirsk: Sova. (Rus.).
- Shukhov, I.N. (1927). The last traces of extinct reindeer husbandry in the Tara region. *Trudy Sibirskogo veterinarnogo instituta*, (8), 201–207. (Rus.).
- Shukhov I.N. (1928). Hunting in the northern part of the Tara district. In: *Materialy k poznaniiu okhotnich'ego dela Zapadnoi Sibiri*. Omsk, 33–98. (Rus.).
- Silvanovich, I.I. (2014). The development of rural settlements on the territory of the Tara region in 1918–1945. In: *Vaganovskie chteniia: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Omsk: OOO Amfora, 140–147. (Rus.).
- Sinit'skaya, M.V. (2013). The essence and the relationship between the concepts of “state management”, “state control”, “democratic civilian control” in the sphere of national security. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia*, (2), 219–225. (Rus.).
- Stepanov, A.P. (1835). *The Yenisei gubernia. Pt. 1*. St. Petersburg. (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2013). Maps by S.U. Remezov and the “boundaries” of the natives on the Demyanka River. *Vestnik Omskogo universiteta*, (1), 58–61. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (1980). *Turkic-speaking population of the Western Siberian Plain at the end of the 16th — the first quarter of the 19th centuries*. Tomsk: Izdatel'stvo TGU. (Rus.).
- Vasil'ev, V.V. (1929). *The Demianka-river: An economic and ethnographic essay*. Tobolsk: Tobol'skaia gostipografiia. (Rus.).
- Vibe, P.P. (2015). Peasant colonization of the Tarsky okrug of the Tobolsk gubernia in the late 19th — early 20th century. In: P.P. Vibe. *Antologiiia Omskogo kraevedeniia. T. 2*. Omsk: OGIK muzei, 469–474. (Rus.).

Адаев В.Н., <https://orcid.org/0000-0001-7355-2007>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.09.2022

Article is published: 15.12.2022